

Вредительство в науке.

В подготовке взрывов и поджогов наших заводов, в шпионаже, в организации кризисов в области энергетики, топлива, металла, текстиля и транспорта, в подготовке интервенции — во всем этом вредители из «Промпартии» сознались. В качестве инженеров-конструкторов, инженеров-экономистов, они были законченными вредителями, агентами французского империализма и бывших «отечественных» заводчиков и помещиков. Но как только на суде дело дошло до их научной деятельности, тогда они сразу стали в оборонительную позицию.

«В своих научных работах, которых я имею больше полутора ста, я никогда, ни в одной работе не говорил того, что не соответствует действительности. В своих научных работах я не проводил никаких вредительских директив, никаких вредительских установок. Поэтому те научные работы, которые я печатал и в СССР и за границей, никогда вредительских установок не имели», — твердил Рамзин, упорно повторяя: «свою вредительскую работу и свою научную работу я строго различал, в своих научных работах я никогда не проводил вредительских идей». Выходит, что будучи инженерами обервредителями, они в качестве профессоров были безупречны, блюдя «чистоту» своей «объективной» науки.

Несмотря на все увертки Рамзина, допрос уличил его в том, что его теоретические высказывания в споре о высоких и низких давлениях, установка руководимого им Теплотехнического института в вопросе о сжигании подмосковного угля в пылевидном состоянии были вредительскими, сознательно направленными на задержку развития науки и производства.

Незачем, кажется, пространно доказывать всю несостоятельность и вздорность утверждения, будто теоретическая работа практиков-вредителей может остаться нетронутой вредительским ядом, будто существует вообще какая-то «свободная» от политики, от миросозерцания научного деятеля, непорочная, «объективная», бесклассовая наука, каким-то чудом избежавшая общей участи в этом мире, резко разделенном на два лагеря, находящиеся в непримиримой классовой борьбе. Но все попытки выгородить свою якобы объективную теоретико-научную деятельность со стороны людей, которые сами сознались в том, что они были законченнейшими вредителями на практике, имеют, однако, определенное принципиальное значение. Они показывают, что разбитый на-голову классовый враг не думает сдаваться окончательно, а старается окопаться на самых недоступных, хитро замаскированных позициях, — на теоретическом фронте, желая сохранить за собой командные высоты науки.

«Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации. И после первого серьезного поражения свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили

в него, не допускали мысли о нем, с удесyтеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...). А за эксплуататорами-капиталистами тянется широкая масса мелкой буржуазии, про которую десятки лет исторического опыта всех стран свидетельствуют, что она шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей переворота, впадает в панику от первого поражения или полупоражения рабочих, нервничает, мечется, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь... как наши меньшевики и эсеры»¹⁾.

Научно-теоретическое вредительство не ограничилось одной какой-либо отраслью науки. В экономических науках процветали целые «школы», украшенные такими именами, как Базаров, Суханов, Громан, Рубин, Юровский, Финн-Енотаевский, Кондратьев, Чайнов, Фалькнер и др., щедро распространявшие свои идеалистические и механистические теории, свои научные фальсификации теории стоимости, воспроизводства, денег, сельского хозяйства и т. д. в научно-исследовательских институтах, вузах и т. д. Вредительству в экономике вообще, а в планировании в частности «повезло» — оно было наиболее быстро и сравнительно полно разоблачено, хотя рецидивы его можно встретить и сейчас. Но научное вредительство буржуазной профессуры не ограничилось сферой общественных наук. Правда, в технике, в естествознании и в математике, где силы диалектического материализма несравненно слабее, чем в науках социально-политических, сделано пока еще очень мало для выявления работы ученых-вредителей, но и те отдельные факты, которые известны, с достаточной очевидностью говорят о том, что какой бы абстрактной и «безобидной» на первый взгляд ни казалась та или другая ветвь знания, вредители протянули к ней свои липкие щупальцы. Теплотехника и теория холодильного дела, экономгеография и рационализаторская техника, теория мелиорации, лесного хозяйства и горного дела, техника высоких напряжений и микробиология, счетоведение, статистика и ихтиология, — все они стали поприщем вылазок вредителей, имеющих две цели: во-первых, «научно» оправдать их собственную практику, во-вторых, овладеть подготовкой подрастающей смены работников науки и техники.

В настоящей статье невозможно дать анализ конкретных проявлений теоретического вредительства в отдельных областях техники или естествознания. Этим должны заняться работники данных наук, их усилиями необходимо произвести тщательный критический просмотр всей научно-технической и учебной литературы, чтобы «отделить добро от зла». Было бы, конечно, ошибочно думать, что все написанное вредителями является сплошным вредительством, но потребуется громадный труд, чтобы отобрать из работ вредителей то, что может хотя бы временно остаться без замены.

Понятно, что по своему специальному содержанию вредительские теории, скажем, в ихтиологии (рыбоведении) ничего общего не имеют с вредительством в теории балансоведения, но в конечном счете социальный смысл их один и тот же. Ученые ихтиологи, как, например, Назаровский, «доказывают», что естественные законы размножения рыб таковы, что никак нельзя выполнить пятилетку в рыболовстве, и тут же дают указания о месторождениях отдельных видов рыбы, искаженные так, чтобы, руководствуясь ими, советское рыболовство действительно получало уменьшенные уловы. В балансоведении кладется в основу такая экономическая теория, из которой вытекает, что между СССР и капиталистической страной нет никакой разницы, а также даются такие указания, как например, насчет метода опреде-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. т. XV, стр. 467.

ления товарных остатков, применение которых должно привести к скрытию недостатков в дефицитных товарах и тем самым к созданию прорывов.

Из многочисленных примеров вредительской теоретической работы особенно выдается своей яркостью случай с «соломенными миллиардами» Вишневецкого, одного из ближайших соратников Громана, руководившего до последнего времени составлением сводного сельскохозяйственного баланса в Госплане СССР. Благодаря принятому Вишневецким методу оценки, продукция соломы и сена оказалась равной двум третям стоимости зерновых, а в 1929/30 году равной почти 100%. Эти статистические махинации¹⁾ имели целью преуменьшить наши достижения в области индустриализации страны, дать базу для известных теорий об «убыточности» и «деградации» нашего сельского хозяйства и, в случае их принятия в основу построения контрольных цифр, расстроить наше планирование.

Не лишены особой «красочности» и контрреволюционные вылазки на страницах краеведческого журнала «Охрана природы», прячущие свое вредительское нутро под прикрытием борьбы с... вредителями в сельском хозяйстве (т.-е. грызунами, вредными насекомыми и т. п.). В № 3 этого журнала Н. Под'япольский заявляет, что «сплошная распахка больших пространств, имеющая место в наших совхозах-гигантах и больших колхозах, может гибельно отозваться на этих же хозяйствах», потому что «исчезнут гнездящиеся по дуплам старых, негодных деревьев, иногда одиноко стоящих в полях, совы (питающиеся мышами)» (!). В № 7—8 передовая посвящена той же пропаганде. О чем мечтают журнал и группирующиеся вокруг него краеведы, видно из статьи «Последние дни Ямской степи», где выставляется требование объявить степь заповедной. С глубокой меланхолией созерцая, как пустынная степь уступает «необъятым пространствам черной пашни», автор «смотрит вдаль» и вздыхает. «Первобытностью веет, и уносишься мыслями в доагрикультурное прошлое края». Вот именно «охрана природы» становится охраной от социализма.

Таким образом, сущность всех вредительских теорий одна и та же. Иначе и быть не может—цель у вредителей всех мастей одна: срыв нашего социалистического строительства, реставрация капитализма.

Даже при поверхностном просмотре писаний профессоров-вредителей часто бросается в глаза, что здесь старательно все подкрашено: за цитатой из Маркса следует цитата из буржуазного экономиста, потом снова идет цитата из Ленина, потом выступает на сцену следующий буржуазный ученый и т. д., а читателю предоставляется право выбирать.

Не менее характерной чертой, чем грубая подделка под «советский стиль», является исключительное обилие математических вычислений и формул, которыми так и пестрят вредительские работы. Нагромождение сложнейших выкладок и формул, множества диаграмм в виде гармонических и показательных кривых — типично не только для сборников кон'юнктурного института Наркомфина, не только для таких шедевров, как «теория балансового учета» Рудановского (где вопросы балансоведения «решаются»—дифференциальными уравнениями термодинамики), но несомненная гипертрофия математического метода имеется и в таких «узкотехнических» работах, как, скажем, об оценке наиболее рационального направления новых железных дорог (сборник МИИТа) или даже в теории коневодства.

«Материя исчезает, остаются одни уравнения»—эта ленинская характеристика ученой поповщины в современной физике дает ключ к пониманию вредительского пристрастия к математизации любой науки. На самом деле, не станут же вредители писать прямо, что они за реставрацию капитализма, должны же они искать наиболее удобной маскировки. И нет более непрони-

¹⁾ См. статью т. Старовского в «Плановом хозяйстве», № 10—11 за 1930 год.

цаемой завесы, чем завеса математической абстракции. Математические уравнения сплошь да рядом придают враждебным социалистическому строительству положениям якобы бесстрастный, объективный, точный, непроверяемый характер, скрывая их истинную сущность.

Показательной в отношении математического шарлатанства может служить «история с центрографией», методом, который так долго ютился под крылышком Госплана. Центрографы, творцы «новой статистики», не желают понять, что такие экономические средние как, например, средняя цена, имеют реальный смысл потому, что они являются моментом в действительно происходящих экономических процессах, например, движения цен, регулируемых законом стоимости. Центрографы строят свои географические «средние» по способу нахождения центров тяжести в механике. Так, например, они воображают на месте каждого жителя силу, равную единице и направленную к центру земли (вектор), эти силы складывают по правилу параллелограмма сил и точку приложения результирующей считают «центром населенности». При этом, конечно, применяют множество синусов, косинусов, сигм и прочее. Так они открывают такие «законы», как «центр размещения свиней западнее центра населенности, овец — южнее»¹⁾, не раскрывая, впрочем, тайны, какие роковые выводы последовали бы, если бы оказалось наоборот. Но дело здесь не только в одном очковитательстве. Американские и французские коллеги «наших» отечественных центрографов Neuford, Meuriot и др. используют выводы центрографии в качестве аргумента для империалистических аннексий. И следующее замечание их ученика на советской территории — Мительмана: «как особенность одного из краевых центров отметим, что центр населенности Дальне-Восточного района (благодаря изогнутости территории) находится вне территории района — в Манчжурии»²⁾, может вызвать сомнение лишь в том, должна ли напрашивающаяся целесообразность закругления района произойти под чжансюэляновским или устряловским лозунгами.

Не случайно, конечно, что вредительская математизация науки находит себе защитников в «Последних новостях» и «Возрождении» (от 10 и 17 ноября 1930 г.), злобно отозвавшихся на статью в «Правде» и выгораживающих геометрическую среднюю и другие математические приемы Кондратьевых и Базаровых. «В стране, где нет места мертвой формальной логике, дважды два четыре — ничего не говорящее правило. А дважды два пятилетка — дело другое», в этом, долженствующем звучать иронически, беззубом змеином шипении весь секрет пристрастия белогвардейцев к «чистой» науке. То, что в троцкистско-сырцовской формулировке звучит как защита «арифметики», которая должна быть «ни правой, ни левой, а правильной», здесь высказано открыто, и лишь «коммерческая арифметика» Рябушинского, с его 500 процентами прибыли на ликвидации советской власти и убийстве миллионов трудящихся, может оспаривать четкость данной формулировки.

Математической мистификации науки вредителями значительную услугу оказывают появляющиеся порою из наших собственных рядов попытки ненаучного, антимарксистского применения математического метода. Так, например, пытаются всерьез вывести закон развития производительных сил САСШ тем, что отождествляют производительные силы с техникой, мериллом прогресса которой принимают количество запатентованных изобретений, на основании чего математически выводят зависимость между «техникой» и временем, выводят законы движения индекса цен, зарплаты, нормы прибыли и т. д. Такие грубо-эмпирические упражнения, затрагивающие лишь поверхность явлений, действуют ободряюще на тех, кто «математизирует» науку с вредительской целью. Ведь каждая наша ошибка с жадностью под-

¹⁾ «Плановое хозяйство» 1929 г. № 10, Мительман: «Вопросы фиксации наблюдений и петрографический метод», стр. 128.

²⁾ Там же, стр. 133.

хватывается классовым врагом. Так, например, Н. В. Игнатьев¹⁾ спешит зафиксировать трогательное единство мысли главы буржуазной американской политико-экономической школы и ученого-коммуниста, не упуская в то же время случая выразить глубокую благодарность Кондратьеву, как редактору сборника, содержащего игнатьевскую статью со следующей тирадой «Количественная теория денег, находившая подтверждение и в эмпирических данных (назову здесь хотя бы работу проф. Фишера, а у нас работу О. Шмидта²⁾ для периода эмиссионного хозяйства), вызывает простотой своих формулировок большой соблазн к статистической моей проверке».

Прямым пособничеством вредительства в науке является все еще достаточно широко распространенное либеральное отношение к буржуазно-профессорской «учености», некритическое преклонение перед нею, мягкотелость по отношению ко всякого рода идеалистическим, прикрывающимся «научностью» высказываниям, если только они исходят из академических кругов. Эта политика, диаметрально противоположная ленинскому указанию об обязанности для коммунистов «вести войну против современных, «образованных» крепостников, реакционеров, дипломированных лакеев поповщины», свила себе не одно прочное гнездо, в том числе и в естественно-научном отделе Большой советской энциклопедии. Авторы основных методологически-руководящих статей этого отдела подбирались так, что совершенно очевидна погоня за буржуазным «видным» ученым; наши марксистские силы не использованы. Разумеется, качество статей соответствует подбору авторов: ряд статей пропитан насковью механицизмом, махизмом, конвенционализмом, субъективным идеализмом, представляя собой в методологическом отношении эклектический винегрет. Статьи этого отдела отражают существующую в современном буржуазном естествознании методологическую сумятицу, но отнюдь не свидетельствуют о твердом марксистско-ленинском руководстве со стороны редакции.

Так, например, статьи «Волны» и «Гидромеханика» написаны пражским физиком Филиппом Франком, одним из главнейших современных представителей махизма, специально выступавшим в «Die Naturwissenschaften» против «Эмпириокритицизма» Ленина. В статье «Волны», среди правильных высказываний, искусно вкраплено махистское ядро: о свете говорится, как о существующем наряду с материей, а о движении последней утверждается, что новейшая теория Шредингера сводит его к понятию волны. В статье «Вечный двигатель» ничего не сказано о связи этой проблемы с философией, с тем, что невозможность вечного двигателя вытекает из того основного факта, что все происходящее есть лишь изменение форм движения материи и что поэтому новая форма движения не может возникнуть из ничего. В статье «Вещество» даются определения материализма и идеализма, безграмотность которых обнаружит любой совпартшколец, а физическая сторона проблемы трактуется с точки зрения «тождественности конечных частиц вещества», т.-е. грубо-механистически; наконец, в пылу увлечения вулгаризацией, утверждается, будто современные открытия подтверждают взгляды алхимиков.

В биографических статьях «Гарвей», «Галилей», «Гаусс» научной методологии этих исследователей уделено среди историко-описательного, иногда полуанекдотичного материала, лишь ничтожное место, при чем методологии дана неверная оценка. Так, например, профессором Каганом обойдена молчанием борьба Гаусса против кантианского взгляда на геометрию, проф. С. Вавиловым фактически неверно и в разрез со взглядами Энгельса Галилей про-

¹⁾ «Вопросы кон'юнктуры», т. III вып. 1-й, стр. 67.

²⁾ Игнатьев имеет в виду работу О. Ю. Шмидта «Математические законы денежной эмиссии», в которой автор становится на сторону количественной теории денег и, опираясь на авторитет Фалькнера, заявляет, что в данной форме количественная теория применена и у Маркса (стр. 12).

тивопоставляется Кеплеру, проф. Самойловым метод Гарвея механически отождествлен с методами современного естествознания.

Редактором (и автором подавляющего большинства) математических статей проф. В. Каганом проводилась четкая махистская линия; для иллюстрации приведем, например, статью «Аксиома», где дается махистское понимание аксиом как произвольных, условных положений, не отображающих действительность, а лишь удобных для практического действия. В статье «Вероятность» дана завершено-идеалистическая концепция: «Вероятность не есть признак, принадлежащий самим событиям», — говорит Асмус, тем самым зачисляя эту важнейшую познавательную категорию или по штату провидения божия, или имманентно творящей человеческой головы. Лондонский проф. махист Боули, ссылаясь на эту философскую статью Асмуса, дает тут же математическое определение вероятности «в уточнении субъективного понимания ее». Такая концепция вероятности созвучна модным в калиталистическом мире субъективным школам в политэкономии, но никак не может объяснить, почему страховые общества, опирающиеся в своей практике на эту «математическую меру нашего субъективного незнания» получают весьма объективные прибыли.

Даже из этих немногих примеров очевидно, что необходимо подвергнуть тщательному, подробному просмотру уже напечатанные статьи Естественно-научного отдела БСЭ (не только по части неорганической природы и математики, но и по части биологических и психологических наук; так, например, такие статьи, как «Ассоциация», «Аффект», не свободны от фрейдизма, «Воля», «Восприятие» — от механицизма) и что потребуются пересмотр авторского состава, а также самих методов составления плана, подбора кадров и т. д. Организация этого дела должна быть выведена из-под системы руководства, опирающейся на пресловутые «личные связи», на дорогу общественного обсуждения, создания научного и популяризаторского актива вокруг этого отдела БСЭ, организованного вовлечения в эту работу научных коммунистических сил.

В связи с тем громадным и все более решающим значением, которое приобретает естествознание на данном этапе социалистического строительства, реорганизация Естественно-научного отдела БСЭ является крайне важной. Аналогичное положение имеется, однако, и в Технической энциклопедии. В тщательном просмотре нуждается и Медицинская энциклопедия; Комакадемия, Общество воинствующих материалистов-диалектиков, все наши научные марксистско-ленинские общества и институты обязаны немедленно взяться за это дело.

Какую громадную воспитательную работу необходимо проделать в наших собственных рядах, видно хотя бы на таком примере: уже после раскрытия вредительства «Промпартии» было предложено инженерам-коммунистам НИСа дать анализ работ Рамзина. Двое из них, рассмотрев его проект перевода тракторов на паровую тягу, дали такой отзыв: все расчеты верны, технически все безупречно, и только... упущено из виду, что на деле может оказаться недостаток воды и соломы (как топлива). Это «только» прямо таки неповторимо. Этакая дружеская критика, такой узко-расчетный подход показывает, насколько узок политический горизонт, насколько недостаточно политическое чутье и экономическое образование даже среди многих инженеро-партийцев.

Подмена большевистской политики в науке, подмена борьбы за партийность науки либерализмом тем более преступна, что носителями реакционных теорий являются маститые профессора, как махист Френкель в физике, виталисты Гурвич и Берг в биологии, что Савич в психологии, Кольцов в евгенике, Вернадский в геологии, Егоров и Богомолов в математике «выводят» каждый из своей науки реакционнейшие социальные теории. Разве

не характерно — если взять лишь события последнего месяца—что признанного вождя реакционной московской математической школы, еще в прошлом году директора математического института, состоявшего церковным старостой, но не желавшего быть членом профсоюза, проф. Егорова московское математическое общество упорно не желало исключить из своего состава. Когда же Егоров заявил, что «не что-либо другое, а навязывание стандартного мировоззрения ученым, является подлинным вредительством», докладчик-коммунист не только сам не дал ему отпора, но в заключительном слове отвел предложение сделать из выступления Егорова организационные выводы, объяснив все «недоразумением». Такова политика некоторых коммунистов, проводимая ими в реакционнейшей профессорской среде, в среде хранителей традиций Цингера, Бугаева, Некрасова, разработавших теорию вероятностей, науку о числе и анализ для доказательства незыблемости «православия, самодержавия и народности», для подкрепления философии Лопатина в среде тех людей, которые вполне последовательно на недавнем своем съезде отказывались послать приветствие XVI партийному съезду.

Совершенно очевидно, что повеление коммунистов, ведущих политику подобно покровительству реакционной профессуре, представляет собою позицию буржуазно-демократических попутчиков нашей революции,—это люди с партбилетом, о которых «там» говорят: «он хотя и коммунист, ни свой человек», и которые дорожат этим своим «добрым именем».

Вполне понятно, что когда практической политикой в науке руководят такие люди, ни о каком проведении ими партийной линии на этом боевом участке не может быть и речи. Не случайно поэтому, что Научный сектор Госплана, несмотря на прямые директивы ноябрьского пленума ЦК разработать пятилетку по техническим и научным кадрам в трехмесячный срок, до сегодняшнего дня этого задания не выполнил, что планирование науки и научно-исследовательской работы все еще проводится у нас больше на словах, чем на деле.

Нужна самая беспощадная борьба с либеральничанием и меценатством, с подобострастием к гелертерству, с попытками перенесения в нашу научную среду нравов буржуазной ученой касты, с идеологическим обволакиванием коммунистов в области научной теории и в вопросах руководства научной работой. Эта борьба предполагает максимально напряженную и подлинно-массовую работу наших новых и подрастающих кадров над усвоением лучших достижений буржуазной науки, ее критической переработкой на основе материалистической диалектики.

Враги пролетарской революции не только стараются изобразить большевиков как гонителей науки; они прекрасно понимают, что если их клевета стала бы действительностью, то это обеспечило бы им победу, — поэтому они прилагают все усилия к тому, чтобы на самом деле внушить нам мысль — предоставить занятие теорией «специалистам». Так, те же кондратьевцы, в чьих статьях от математических выкладок так и рябит в глазах, проповедывали нам устами самого Кондратьева, что надо нам «отказаться от количественного выражения тех элементов, предвидеть изменение которых в количественной форме на данной стадии нашего знания не можем», что нам «необходимо категорически отказаться от фетишизма цифр», что «мы находимся под гипнозом цифр и арифметики», что нас губит «безотчетное увлечение механическим, детальным цифровым расчетом» и т. д. и т. п. Те же господа, которые нашим экономистам и плановикам втирали очки своими лженаучными статистическими выкладками, поступали со своей точки зрения весьма разумно, когда, входя в комиссии по составлению учебных планов наших институтов, настолько сокращали часы на статистику и математику, что фактически вычеркивали эти предметы (например, в Плано-

экономическом и в Энергетическом институтах). По их замыслу, монополия на научную теорию должна была и впредь сохраниться за ними.

То обстоятельство, что большинство наших экономистов, плановиков и т. д. математически и технологически неграмотны, что большинство из них вынуждено обращаться за математическим или техническим оформлением по любому пустяку к специалисту, работу которого проверить они почти не в состоянии, что большинство из них относятся к математике со столь большим уважением, что не смеют заняться ею—все это прекрасно учитывается вредителями, оставляющими себе, для своих целей, весь утонченный математический аппарат, а нас предостерегающими даже перед таблицей умножения.

Незнание математики, статистики, экономгеографии, экономики отдельных отраслей промышленности, механики, химии, основ технологии—это есть конкретное выражение одного из существеннейших условий, делающих возможным вредительство,—нашего низкого культурного уровня, одного из затруднений в социалистическом строительстве, затруднения, которое в кратчайшие сроки должно быть преодолено.

Разве не возмутительно, что в стране Днепростроя, Магнитогорска и тракторостроев, в стране социалистической индустриализации, которая не может не родить новую технику,—такое движение, как за массовое техническое просвещение, годами влачит в лице общества Техмасс жалкое существование и находится на задворках общественного внимания? Разве не менее возмутительно, что Коммунистическая Академия до сих пор не превратила свою Техническую секцию в активный, руководящий всей технической мыслью страны орган, что ее Ассоциация естественно-научных институтов, секций и обществ далеко не является тем бдительным стражем на идеологическом фронте и активным строителем партийной, коммунистической науки, которым она должна быть?

Теперь только, на фоне разоблаченного вредительства, полностью вырисовывается все огромное, решающее значение предпринятых, по указаниям партии и под ее руководством, революционных мероприятий по форсированию подготовки пролетарских кадров специалистов, по всей перестройке высшей технической школы. Теперь даже слепому видно, какую роль играли возражения правых оппортунистов против предпринимаемой партией реорганизации вузов, каков на деле был об'ективный смысл всех их разговоров о ставке на старые инженерные кадры. Однако наряду с десятками тысяч красных специалистов—командиров социалистической техники и экономики, которых партия отбирает и выращивает из рядов рабочего класса, нам нужно вооружить знанием миллионы рядовых строителей социализма, знанием во много раз большим, чем простая грамотность.

Незачем, кажется, доказывать, что для успешного участия в рационализации, для массового изобретательства, для работы по калькуляции, для улучшения качества продукции, для повышения производительности труда каждого отдельного работника—нужны знания технологии, экономики, черчения, математики и т. д.

На предприятиях, на транспорте поднялась могучая волна встречного промфинплана—сюда должна быть подведена прочная научная база. Для того, чтобы каждый рабочий мог наиболее продуктивно участвовать в планировании снизу,

Чтобы любой сумел,
Чтоб каждый,
Каждый мог
Следить и проверять,
И делать!
Делать!
Делать! —

чтобы рабочий класс встречным промфинпланом бил по самой возможности вредительской работы, для того, чтобы превратить встречный в массовый метод общего планирования, каждого рабочего в плановика, каждый завод в ячейку государственного планирования, — необходимо все усилия, всю энергию, вырастающую в цехах из преодолевающего все препятствия энтузиазма рабочих масс, объединить и организационно оформить, одновременно организовав нужную для этого дела массовую учебу. В массовом планировании будут осуществляться ленинские мысли о роли учета и контроля, как главных элементов, требующихся для правильного функционирования первой (т.-е. социалистической) фазы коммунизма, об участии трудящихся масс в повседневном управлении, в организации производства в общественном масштабе, как условия, при наличии которого рабочий класс будет представлять такую силу, которая отбросит назад капитализм и его пережитки, как соломинку, как прах ¹⁾.

Настала пора, чтобы действующие на предприятиях производственные комиссии, изобретательские ячейки, ячейки Техмасс, бригады по встречному, рационализаторские комиссии, разного рода курсы по повышению квалификации объединили бы свои начинания, чтобы Госплан создал у себя центр массового планирования, чтобы он превратился в массовую организацию, чтобы идея массового планирования, плана, доходящего до станка, воплотилась в организацию, соединяющую ударников социалистического планирования и реконструкции. Правильная организация социалистического планирования, его поднятие на новую ступень настойчиво требуют беспощадной борьбы с вредительством в науке, решительного выкорчевывания всех его следов. В этой борьбе будут непрерывно расти и закаляться наши пролетарские коммунистические кадры бойцов— строителей социализма.

¹⁾ Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. 2, 392—393—397; т. XV. стр 154-155, т. XVI, стр. 18, изд. 1-е.